

ШУЙСКОЕ ДЕЛО:

от приговора до канонизации

К СТОЛЕТИЮ ПЕРВОГО
ПРОТЕСТА ВЕРУЮЩИХ
ПРОТИВ АНТИЦЕРКОВНОЙ
ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО
ГОСУДАРСТВА

Ровно век назад, 10 мая 1922 года, были расстреляны протоиерей Павел Светозаров, иерей Иоанн Рождественский и мирянин Петр Языков — главные обвиняемые по так называемому Шуйскому делу. События в этом уездном городе Иваново-Вознесенской губернии стали самым масштабным примером гражданского сопротивления изъятию церковных ценностей, а Воскресенский собор с одной из самых высоких православных колоколен в мире стал знаковым местом трагедии русского Православия в XX веке¹. О трагических событиях в Шуе в марте 1922 года и о том, почему этот акт неповиновения властям и последовавшее за ним письмо В. И. Ленина членам Политбюро в какой-то мере стали переломными в отношениях государства и Церкви в Советской России, «Журналу Московской Патриархии» рассказал доктор исторических наук, профессор Шуйского филиала Ивановского государственного университета **Юрий Иванов.**

Под знаменем марксизма

В начале XX века уездная Шуя — город с развитой текстильной промышленностью. В то же время это известный духовный центр Владимирской губернии. В городе, где проживало 23 тысячи жителей, насчитывалось 20 храмов, далеко за пределами округа славилась чудотворная Шуйская-Смоленская икона Божией Матери, которая находилась в Воскресенском соборе. После октября 1917 года патриархальная Шуя и ее население с прочными православными традициями вносили явный диссонанс в революционную атмосферу Иваново-Вознесенска — до этого заштатного города Шуйского уезда, который теперь стал родиной первого в России Совета рабочих депутатов и столицей губернии.

Два документа «обрамляют» шуйские события: «Воззвание Патриарха Тихона к духовенству и верующим Российской Православной Церкви по поводу изъятия церковных ценностей 15/28 февраля 1922 года» и секретное письмо Ленина членам Политбюро Центрального комитета Российской коммунистической партии большевиков (ЦК РКП(б)) от 19 марта 1922 года. Как известно, с Воззванием власти связывали любые беспорядки среди «церковников» и возлагали на Патриарха Тихона моральную ответственность за них. Письмо Ленина во время событий было «фигурой умолчания», а по сути — тайной пружиной трагического развития событий. Именно это объясняет достаточно противоречивый контекст введения шуйских событий в историю Русской Православной Церкви. В отличие от Воззвания Патриарха Тихона, «секретное» письмо Ленина было впервые полностью опубликовано на Западе в 1970 году, а в СССР — в 1990-м, хотя слухи о его существовании ходили с 1920-х годов, и всякий раз оно объявлялось властями фальшивкой².

Секретные документы партийных архивов и хранилищ Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) — Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) — Комитета государственной безопасности (КГБ) о Шуйском деле стали доступны исследователям только в середине 1990-х годов³. После этого появляются первые обстоятельные работы об этих событиях⁴. Канонизация шуйских новомучени-

ков в августе 2000 года привела к активизации работы исследователей и краеведов по уточнению их биографий и истории места действия возмущения верующих в 1922 году — шуйского Воскресенского собора⁵.

Парадоксально, но о шуйских событиях не сохранилось свидетельств очевидцев. С одной стороны, это было связано с «безгласностью» российской провинции, а с другой — с установкой власти на широкое освещение событий в пропагандистском плане. «Каноническая» советская версия этих событий сложилась из материалов процесса, публиковавшихся в печати. Решение же об их обнародовании принималось на уровне Политбюро.

Следует признать, что долгое время в отношении фактической стороны событий историки и публицисты находились в плену официальной версии, представленной следствием на судебном разбирательстве и позднее отредактированной в угоду пропагандистской концепции правящей партии. Оценки менялись, но канва событий в представлении исследователей оставалась одной и той же в силу, как уже отмечалось, полного отсутствия «голосов снизу». Несомненно, Шуйское дело нельзя рассматривать вне контекста противостояния власти и Патриарха

*Памятник
«Новомученикам
российским —
благодарные
потомки»,
скульптор
А. И. Рукавишников.
2007 г. (слева)*

*Литография
Шуйско-Смоленской
иконы Богоматери*

Собор святых
новомучеников
Шуйских. 2005 г.
(слева)

Богослужение
в кафедральном
Воскресенском
соборе в день
памяти шуйских
событий возглавил
митрополит
Крутицкий
и Коломенский
Павел. Март 2022 г.
(в центре)

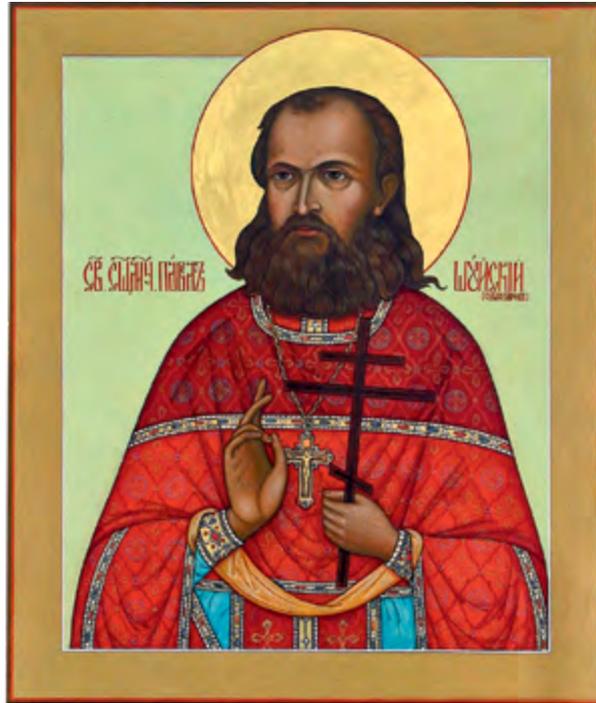
Тихона — одно дополняет другое. Для власти это дело стало неизбежным результатом Возвращения Предстоятеля. Поэтому к Шуйскому делу только за чтение этого документа привлекли палехского священника Иоанна Рождественского. Советские историки интерпретировали «кровавые беспорядки» в Шуче как примеры «церковной контрреволюции» и «дела Патриарха Тихона» или «тихоновщины»⁶.

Сама власть придала шуйским событиям символический характер: без ленинского письма они так бы и остались рядовым примером сопротивления (в основном пассивного) наступлению на права верующих, а если шире, то на Церковь.

Для Ленина было характерно отношение к Церкви как к реакционному институту, отсюда и его спонтанная реакция на события 1922 года в Шуче (обратим внимание на хронологическую сопряженность «шуйского» письма с канонической для советского атеизма статьей «О значении воинствующего материализма»). Почти одновременно с письмом, о котором речь шла выше, он пишет 12 марта 1922 года этот важный для него текст (опубликован тогда же, в марте 1922 года, в № 3 журнала «Под знаменем марксизма»), где среди прочего пропагандировалась желательность навязывания народу материалистического взгляда на мир административными

мерами «в смысле неуклонного разоблачения и преследования всех современных “дипломатированных лакеев поповщины”»⁷.

Очевидно, что у центральных властей существовало преувеличенное представление о «контрреволюционной» религиозности и «черносотенстве» шуйского социума. Оно было связано не столько с протестными событиями марта 1922 года, сколько с письмом Ленина по этому поводу и показательным «расстрельным» политическим процессом, последовавшим за ним. Навязчивый характер имели ленинские требования дать «детальную директиву судебным властям тоже уступую, чтобы процесс против шуйских мятежников... был проведен с максимальной быстротой и закончился не иначе, как расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шучи». В значительной мере мнение власти определялось поверхностными представлениями о существовании в опальном городе в 1905–1917 годах «виртуальной» партии «Шуйский союз русских православных людей» М. К. Петрова, многотысячный состав которой существовал только на бумаге. Кстати, одним из главных противников этой партии был фигурант Шуйского дела настоятель Воскресенского собора П. Светозаров, которого расстреляли как «черносотенца»⁸.

Священномученик
Павел Светозаров
(справа)

Колокольный набат и расстрел несогласных

В соответствии с указаниями Москвы Шуйский уездный исполнительный комитет (УИК) 3 марта 1922 года создал комиссию по изъятию церковных ценностей: руководитель — зам. председателя УИК А. Н. Вицин, члены — уполномоченный политуправления И. П. Волков (его имя и сегодня носит одна из улиц Шуи) и заведующий уездным финансовым отделом А. И. Коняев. Власти интересовали в первую очередь богатые храмы, поэтому работу предполагалось начать с проверки описей церковного имущества. Шестого марта духовенство Воскресенского собора недоброжелательно встретило комиссию.

В воскресенье, 12 марта, прошли собрания в Воскресенском соборе и Крестовоздвиженском и Троицком храмах. Прихожане решили просить УИК, чтобы вместо изъятия церковного имущества им разрешено было собрать в пользу голодающих продовольствие и другие пожертвования. Но ходатайство осталось без ответа.

На следующий день, 13 марта, на богослужении в Воскресенском соборе было многолюдно. В ответ на просьбу комиссии освободить храм настоятель собора Павел Светозаров заявил,

что не имеет права изгонять молящихся. После требований, прозвучавших в более жесткой форме, священнослужитель обратился к верующим с предложением разойтись. Однако недовольство верующих усиливалось, и покинуть собор пришлось самим членам комиссии.

О шуйских событиях не сохранилось свидетельств очевидцев. С одной стороны, это было связано с «безгласностью» российской провинции, а с другой — с установкой власти на широкое освещение событий в пропагандистском плане.

Воскресенский собор оставался открытым весь день, на площади перед ним продолжали собираться люди. Конная милиция не могла их разогнать, несколько милиционеров были избиты. Комиссия предупредила, что изъятие ценностей планируется на среду, 15 марта. И хотя вечером 13 марта милиционеры сообщили, что 15 марта изъятия не будет, часть верующих осталась на ночь охранять собор.

На следующий день, 14 марта, президиум уездного исполнительного комитета ввел в городе чрезвычайное военное положение. Власть сосредоточилась в руках у начальника

Открытие
выставки
«1922 год:
Шуя на изломе
времени».
Март 2022 г.

гарнизона и начальника милиции. Они запретили незаконные публичные собрания. На фоне этих мер нарастали волнения на фабриках города. Рабочие бурно обсуждали предстоящее изъятие церковных ценностей.

В среду, 15 марта, народ собрался на площади перед собором. Туда же прибыл конный отряд милиции; красноармейцы, высланные им в помощь для наведения порядка, были оттеснены. После этого по приказу начальника местного гарнизона к собору в полной боевой готовности выдвинулись красноармейцы 146-го стрелкового полка.

С колокольни ударили в набат. Остановили работу несколько фабрик, рабочие и крестьяне ближайших деревень присоединились к протестующим. На Соборной площади собралось несколько тысяч человек. На помощь милиционерам и красноармейцам прибыли бойцы частей особого назначения (ЧОН) на двух грузовиках.

Началась стрельба: из пулеметов была обстреляна колокольня, затем были произведены винтовочные выстрелы в сторону протестующих, среди которых появились раненые и убитые. Среди убитых — А. Калашников, Н. Малков, С. Мефодиев, А. Шилова; их тела были выданы родственникам для захоронения.

Данные о количестве пострадавших 15 марта варьируются даже в документах расследования. С уверенностью можно говорить о четырех убитых и десяти раненых со стороны протестующих и двадцати шести пострадавших со стороны властей (в основном избитых красноармейцев)⁹.

В связи с событиями в Шуе губернский военный комиссар А. И. Жугин ввел военное положение и в Иваново-Вознесенске. Шестнадцатого марта бюро губернского комитета РКП(б) провело экстренное заседание, на котором решено было создать комиссию для расследования беспорядков. На следующий день вызвали для допроса и арестовали настоятеля собора П. Светозарова.

Уже 18 марта ЦК РКП(б) получил сообщение о волнениях в Шуе. В этот же день в город была направлена следственная комиссия Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) в составе члена этой организации П. Г. Смидовича, командующего войсками Московского военного округа Н. И. Муралова и председателя ЦК Союза текстильщиков И. И. Кутузова.

Девятнадцатого марта появляется известное письмо В. И. Ленина в Политбюро ЦК РКП(б), где он квалифицировал события в Шуе как сопротивление советской власти со стороны духовенства во главе с Патриархом Тихоном

и предложил начать масштабные репрессии против Церкви, воспользовавшись ситуацией в Шуе в качестве повода.

На следующий день, 20 марта, на заседании Политбюро был рассмотрен проект директивы Л. Д. Троцкого по организации изъятия церковных ценностей. Ему же де-факто в соответствии с указаниями ленинского письма была поручена и вся кампания.

Через два дня Политбюро принимает постановление, в котором предлагалось опубликовать данные о событиях и предписывалось «виновных шуйских попов и мирян» — в недельный срок расстрелять. Кроме того, указывалось, чтобы «в течение этой же недели поставить процесс попов за расхищение церковных ценностей» и после опубликования материалов о Шуе «печати взять бешеный тон, дав сводку мятежных поповских попыток в Смоленске, Питере и пр.». Далее рекомендовалось приступить «к изъятию по всей стране. Совершенно не занимаясь церквями, не имеющими сколько-нибудь значительных ценностей». В дополнение к этому постановлению в записке Ф. Э. Дзержинского в Политбюро отмечалось, что «сейчас уже более чем достаточно оснований для ареста Тихона», и ГПУ полагает, что «всякий священник, сопротивляющийся изъятию церковных ценностей, должен быть отнесен к врагам народа»¹⁰. Закончила работу в Шуе московская комиссия 23 марта, после чего оценила действия уездных властей по изъятию церковных ценностей как правильные, но «не достаточно энергичные и планомерные». Хотя к этому дню было арестовано 26 участников волнений. Комиссия ВЦИК выявила (точнее, назначила) зачинщиков и наиболее активных участников. Среди них лавочник, бывший городской, колбасник, стекольщик, крестьянин и двое учителей, но ни одного рабочего. Классовый подход был соблюден. Кстати, среди активных участников нашли всего одного «черносотенца». Настоятеля Воскресенского собора П. Светозарова (1867–1922) заранее назначили главным зачинщиком и контрреволюционером. До этого он уже арестовывался трижды: в 1919 году за уроки Закона Божиего, которые он перенес из гимназии в собор, когда было запрещено преподавание, и дважды в 1921 году — как «небла-

гонадежный» (в дни Кронштадтского мятежа и за проповедь).

В выдаче тел отказать

Комиссия признала, что действия людей на Соборной площади носили стихийный характер. Но этот вывод не укладывался в установки и цели центральных властей в связи с Шуйским делом, и от имени Президиума ВЦИК 27 марта принимается правительственное сообщение «О событиях в городе Шуе в связи с изъятием церковных ценностей», в котором случившееся описано, опираясь на материалы комиссии ВЦИК. В частности, обещано, что на духовенство скоро «опустится железная рука Советской власти». Дело о событиях в Шуе было направлено в Верховный ревтрибунал при ВЦИК.

Согласно «Правительственному сообщению» от 27 марта 1922 года, в Воскресенском соборе было изъято и отправлено в Государственное

У центральных властей существовало преувеличенное представление о «контрреволюционной» религиозности и «черносотенстве» шуйского социума. Оно было связано с письмом Ленина по этому поводу и «расстрельным» политическим процессом, следовавшим за ним.

хранилище ценностей (Гохран) следующее: «жемчужная» риза чудотворной иконы Шуйской Смоленской Божией Матери, а именно 794 бриллианта, 21 изумруд, 75 алмазов, 204 яхонта, до 1000 аметистов, 5 бриллиантовых звезд. В отличие от ризы, чудотворная икона оставалась в храме до окончательного закрытия Воскресенского собора в сентябре 1939 года и с тех пор считается исчезнувшей. Кроме того, в тот же день, 23 марта, в соборе было изъято и сдано в уездный финансовый отдел более десяти пудов серебра, в том числе уникальное четырехпудовое серебряное облачение престола в алтаре — чеканное изображение из двухсот деталей известнейшей московской ювелирной мастерской И. П. Сазикова, выдающееся произведение декоративно-прикладного искусства XIX века.

Священник Павел
Светозаров
(1867–1922)

Следствие по Шуйскому делу проводило Иваново-Вознесенское ГПУ. Через три недели после начала следствия, 11 апреля, всем арестованным вручили обвинительные заключения: по делу проходило 24 человека, к суду были привлечены 19, в том числе 4 священника, трое из которых были клириками шуйских церквей: ранее упоминавшийся настоятель Воскресенского собора П. Светозаров, настоятель Крестовоздвиженского храма А. Смельчаков, настоятель Троицкого храма И. Лавров, а также настоятель палехского Крестовоздвиженского храма И. Рождественский.

С 21 по 25 апреля 1922 года в Иваново-Вознесенске проходило судебное заседание выездной сессии Верховного революционного трибунала

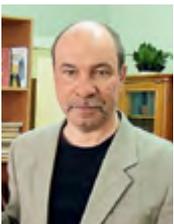
ВЦИК. Власти придавали судебному процессу большое пропагандистское значение, поэтому он был предан широкой огласке, с привлечением прессы и рабочих делегаций.

Председательствовал бывший священник М. В. Галкин, ставший после революции активным борцом с религией. Подсудимым ставились в вину «деяния контрреволюционного характера». Обвинение стремилось доказать причастность Патриарха Тихона к шуйским событиям. Именно за чтение патриаршего Воззвания перед судом предстал И. Рождественский.

В последний день процесса был оглашен приговор. К расстрелу были приговорены священники П. Светозаров, И. Рождественский и мирянин П. Языков, заведующий мастерской при Шуйской мануфактуре, «назначенный» организатором гражданского протеста. К различным срокам заключения приговорили 16 человек.

Сразу после оглашения приговора верующие послали ходатайство во ВЦИК о помиловании приговоренных к расстрелу. Второго мая И. В. Сталин распорядился опросить членов Политбюро о возможности помилования. Большинство проголосовало за расстрел. Через три дня Президиум ВЦИК, следуя распоряжению Политбюро, утвердил приговоры. О том значении, которое придавали в Москве Иваново-Вознесенскому процессу, говорит и тот факт, что с 25 апреля по 4 мая Политбюро возвращалось к нему не менее пяти раз.

Протоиерей П. Светозаров, иерей И. Рождественский и мирянин П. Языков были расстреляны 10 мая ночью на окраине Иваново-Вознесенска. В выдаче тел родственникам было отказано. Из всех шуйских новомучеников достоверно

Юрий Иванов родился в 1954 г. в Шуе. Окончил исторический факультет Ивановского государственного университета, затем аспирантуру Ленинградского государственного университета, доктор исторических наук, профессор Шуйского филиала Ивановского государственного университета, почетный работник высшего профессионального

образования РФ. Сфера научных интересов — региональная история культуры, взаимосвязь Церкви и политики. Создатель и руководитель единственного в России Центра изучения региональной казуальной истории. Научный редактор и коор-

динатор проекта «Уездная старина — Чтения по региональной казуальной истории» (ежегодная, с 1998 г. межрегиональная конференция). Редактор сборников «Провинциальный анекдот» (2000–2020).

Автор более 180 научных публикаций, пяти монографий и книг, учебника и учебного пособия «Историческая география России». В книге «Шуя православная (материалы к энциклопедии)» (2007) изложил новые материалы по истории местных храмов и монастырей, православным традициям Шуйской земли, впервые восстановил трагические страницы судьбы Спасской церкви в Шуе, истории Воскресенско-Федоровского женского монастыря в Сергееве.

Воскресенский собор. Открытка начала XX в.

установлено и сохранилось только место захоронения погибшего у собора А. Калашникова.

Очевидно, что шуйские события стали первым протестом против антицерковной политики советского государства и явились поводом для государственных репрессий против Церкви в 1922–1923 годах, точно так же, как и убийство С. М. Кирова 1 декабря 1934 года для Большого террора 1937 года.

В шуйском восстании участвовало несколько тысяч верующих, по разным оценкам — от двух до шести тысяч человек. По уточненным данным, после этих событий и не менее резонансных протестов в Москве, Петрограде, Смоленске, Старой Руссе и в других местах (всего известно более 1400 инцидентов, связанных с изъятием ценностей) пострадало за веру более 35 тысяч человек, из них не менее 8 тысяч священнослужителей¹¹.

Решением Архиерейского Собора Русской Православной Церкви 2000 года протоиерей Павел Светозаров и иерей Иоанн Рождественский причислены к лику священномучеников; миряне Петр Языков и погибшие у стен собора 15 марта 1922 года Николай Малков, Авксентий Калашников, Сергей Мефодиев, девица Анастасия (ее фамилия — Шилова — была установлена только в 2007 году) причислены к лику мучеников. Они вошли в Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской.

Воскресенский собор, свидетель и немой участник событий 1922 года, где после закрытия в 1939 году находился склад стройматериалов, был возвращен Русской Православной Церкви в 1991 году. В 1993 году собор посетил Патриарх Алексей II и в своем слове после молебна сказал о значении шуйских событий и этого места для

истории русского Православия XX века. Патриарх передал в дар собору икону Шуйской-Смоленской Божией Матери (малую копию XIX века).

Через тринадцать лет, в августе 2006 года, правительство Ивановской области приняло постановление «О создании памятника в честь священнослужителей и верующих, погибших в период преследования Церкви в 1922 году». Семнадцатого октября 2007 года с южной стороны колокольни Воскресенского кафедрального собора был торжественно открыт первый в России памятник святым новомученикам и исповедникам Российским работы скульптора А. И. Рукавишника.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Иванов Ю. А. Местные власти и церковь в 1922–1941 годах (по материалам архивов Ивановской области) // Отечественные архивы. 1996. № 4. С. 90–94.
² Вестник Русского студенческого христианского движения. Париж, 1970. № 98. С. 54–57; Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 190–193.
³ Архивы Кремля: Политбюро и Церковь, 1922–1925 гг. Кн. 1. Новосибирск, 1997. В опубликованных в 1997 г. документах Политбюро непосредственно событиям в Шуе посвящено 13 документов, датированных 17 марта – 4 мая 1922 г. Это самый многочисленный комплекс церковных документов Политбюро, посвященных одному событию кампании по изъятию церковных ценностей, что само по себе подчеркивает их знаковый характер для власти.
⁴ Баделин В. И. Золото церкви: Исторические очерки. Иваново, 1995. С. 185–265; Дамаскин (Орловский), иером. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Тверь, 1996. С. 37–53.
⁵ Иванов Ю. А. Шуя православная (материалы к энциклопедии). Шуя, 2007; Ставровский Е. С. Шуйские новомученики и исповедники XX века. Шуя, 2007;

Никонов Н. И. Шуйско-Смоленская икона Пресвятой Богородицы: История и иконография. СПб., 2008.

⁶ Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 2. М.: Политиздат, 1986. С. 206–208; Атеистический словарь. М., 1983. С. 489 и др.

⁷ Ленин В. И. О значении воинствующего материализма // Полн. собр. соч. Т. 45. М., 1964. С. 25.

⁸ Иванов Ю. А. Человек-партия. Как мещанин Петров создал миф о шуйских черносотенцах // Родина. 2000. № 3. С. 72–75.

⁹ Хмуркин Г. Г. О масштабах человеческих жертв, вызванных изъятием церковных ценностей в 1922–1923 гг. // Уроки Октября и практики советской системы. 1920–1950-е годы. М., 2018. С. 408.

¹⁰ Здесь и далее документы Политбюро цитируются по: Архивы Кремля: Политбюро и Церковь, 1922–1925 гг. Кн. 1.

¹¹ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. М., 1996. С. 69; Хмуркин Г. Г. Указ. соч. С. 413.